

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ МЕЖДУ КОРЕННЫМ И ПРИШЛЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Анализируются поземельные отношения коренного и пришлого населения Енисейской губернии во второй половине XIX в. Подробно рассматривается один конфликт на юге Минусинского округа.

В процессе хозяйственного освоения Сибири русские крестьяне неизбежно затрагивали интересы коренных жителей, ранее беспрепятственно пользовавшихся всеми землями и угодьями. Однако эти отношения не приобретали антагонистического характера в силу слабой населенности края. Особенно явно эта тенденция просматривается в Восточной Сибири. Рассмотрим ее на примере Енисейской губернии.

Во второй половине XIX в. основу механического прироста в Восточной Сибири составляли ссыльные. За период с 1871 по 1896 г. в Енисейскую губернию приехали 137,1 тыс. чел. Это только 3,59% от всех переселившихся в Сибирь и на Дальний Восток за этот период. Ссыльные переселенцы преобладали здесь вплоть до 1892 г. Эта группа населения в большей степени была ориентирована на ремесло и наемный труд, нежели на создание крестьянских хозяйств. Массовое крестьянское переселение приходит в Енисейскую губернию только в XX в. с началом столыпинской аграрной реформы. В конце XIX – начале XX в. (1897–1916 гг.) переселенческий поток в Енисейскую губернию возрос до 321 тыс. чел. (6,14% всех переселенцев в Азиатскую Россию), но все же остался не столь существенным по сравнению с Западной Сибирью, куда за период с 1871 по 1896 г. приехали 18,25% всех переселенцев, а за 1897–1916 гг. – 33,02% [1. С. 136]. Все это, конечно, отражалось на интенсивности поземельных отношений в Енисейской губернии. Во второй половине XIX в. здесь не было больших партий переселенцев, нуждающихся в земле и нарушающих уже устоявшиеся отношения, как это было в Алтайском крае, но и тут имели место поземельные тяжбы.

В основном споры возникали между соседями, крестьянами разных деревень, земельные наделы которых пересекались, и если спор не решался полюбовно, то его разрешение оставлялось до проведения землеустройства в Восточной Сибири. Земельные тяжбы между крестьянами и инородцами в Енисейской губернии не были масштабным явлением. Из 5 округов губернии, в которых было возможно земледелие (Енисейский, Красноярский, Ачинский, Минусинский и Канский), такие споры были отмечены в основном в Ачинском и Минусинском округах, где коренное население составляло заметную долю населения.

На самом деле в Енисейском округе коренное население почти не занималось земледелием, только 0,1% эвенков в Пинчугской волости [2. С. 140–143]. В Красноярском округе тюркское население (качинцы) было немногочисленным (429 чел.). Они жили по течению р. Енисея севернее г. Красноярска. Все они были причислены к крестьянским обществам, проживали в одних селах с крестьянами в Зелдеевской, Вознесенской и Частоостровской волостях и вели сходный с русскими образ жизни. Большинство их занималось хлебопа-

шеством (по 8,8 дес. на одно хозяйство), половина – еще и скотоводством, и только 2 хозяйства – еще охотой и рыболовством.

В Канском округе самодийское население (камасинцы) продолжали заниматься тем же, чем и много веков назад, – охотой и хлебопашеством, постепенно ассимилируясь с русскими крестьянами. В конце XIX в. чиновники енисейского губернского правления насчитали 89 хозяйств камасинцев (449 чел.) по притокам р. Кана – Агулу и Рыбной, и только 15 из них жили в деревне Агулькино Ирбейской волости, остальные – в крестьянских селах Ирбейской и Рыбинской волостей. Лошадей и скот держали все хозяйства [3. Л. 58–59, 61–65]. Инородцы Агульского сельского общества помимо отмежеванной им дачи нередко пользовались сенокосами в государственных пустопорожных землях и имели из-за них споры с крестьянами Ирбейской волости, устраивавшими в этих землях свои заимки. По всей видимости, споров было немного, и в основном они решались полюбовно [4. С. 44].

В Минусинском и Ачинском округах шли процессы консолидации тюркских этносов чулымских татар и хакасов. В Ачинском округе находилось два инородческих ведомства: Мелецкое и Кызыльское. Чулымские татары (мелетцы) проживали на севере Ачинского округа по течению р. Чулым. Как кочевые инородцы они не были наделены землей. В 1860-е гг. губернский землемер только примерно обозначил пункты их улусов, и всю землю между улусами они считали своей. Здесь располагались их рыбные ловли, кедровники, выгоны для скота, пашни. Земледелием занимались не все: из 16 улусов (899 чел.) только в 5 – 102 хозяйства (624 чел.). Земледелие, если судить по размерам запашки, не было их основным занятием (наделы составляли в среднем по 3,3 дес. на 1 хозяйство). Они занимались также скотоводством, рыболовством и охотой. В остальных 11 улусах (75 хозяйств) основу существования составляла зверопромышленность и другие промыслы. Лиц других сословий среди них проживало только 24 чел. При таком положении вещей земельной тесноты не было и, соответственно, земельных споров не возникало.

Однако чулымцы проживали не только в инородческих улусах, но и в крестьянских деревнях Большеулуйской волости (52 хозяйства, 328 чел.). Собственно улусы чулымцев здесь находились до того, как возникла крестьянская волость. Все они держали скот, большинство также имело небольшие пашни (по 3,4 дес.), а многие занимались еще охотой и рыболовством. Судя по сообщениям губернских чиновников, ни одно из этих занятий не было для них основным и лишь комплексное хозяйство обеспечивало существование.

Южнее чулымцев жили кызыльцы. 6 их улусов располагались по течению р. Чулыма (634 чел.) среди рус-

ских селений Большеулуйской и Покровской волостей. По образу жизни и источникам своего существования, по заверениям губернских чиновников, они ничем не отличались от русских крестьян: занимались охотой, рыбной ловлей, извозом, скотоводством и земледелием (по 4,4 дес. на 1 хозяйство).

Русское население в конце XIX в. здесь уже было довольно значительным, свыше 1 000 хозяйств. Средняя запашка Ачинских крестьян составляла около 13,6 дес. на 1 хозяйство. Наделы крестьян и инородцев располагались чересполосно. Нередко это приводило к земельным спорам в селах Бирилосском, Кумырском, Шуточкинском. Причинами раздоров служили пашни, покосы или участки дровяного леса.

40 улусов кызыльцев располагались между р. Урюп и р. Б. Июс (5 540 чел.). Их основным занятием было, конечно, скотоводство, земледелием занималось только около половины хозяйств, и пашни держали небольшие (по 2,6 дес. на 1 хозяйство). Некоторые семьи также промышленяли зверя и рыбу [3. Л. 32–37, 48–49, 86]. Несмотря на то, что кызыльцы проживали достаточно компактно, в их владения вклинивались угоды крестьянских обществ. Постепенное расширение хозяйств и тех и других приводило к возникновению поземельных споров. Так, в конце XIX в. спорили инородцы Можарского улуса и крестьяне деревни Корниловской из-за рыбной ловли на Белом озере и из-за участка дровяного леса; крестьяне деревни Парнинской и инородцы Косолюжинского и Усть-Парнинского улусов – из-за пашен и сенокосов в инородческих дачах [4. С. 77, 98–101].

В Минусинском округе проживали тюркские и отореченные самодийские и кетские народы, которых сейчас называют хакасами [5]: кызыльцы, качинцы, койбалы, сагайцы и бельтиры (28 499 чел.) По инородцам здесь приведены данные губернских чиновников из дела 1899 г. [3]. Очевидно, что данные С.К. Патканова более полные, но сопоставимые. Он определяет численность хакасов в Минусинском округе – 29 756 чел., а в селениях крестьян – 2 526 чел., численность пришлого населения в волостях – 146 529 чел. [6. С. 358–359]. Небольшая часть хакасов (около 2 886 чел.) обитала на правом берегу р. Енисея, там, где располагались селения крестьян и казаков. Оседлые инородцы были наделены землей и жили в 40 селах (1 735 чел.) всех волостей Минусинского округа. Так же, как и крестьяне, они занимались хлебопашеством и скотоводством. Только пашни у них были поменьше: от 4 до 10 дес. на 1 хозяйство (средняя запашка минусинского крестьянина составляла 13,5 дес.), а скота они держали побольше.

Кочевые инородцы (1 151 чел.) землей наделены не были и проживали в селениях крестьян и казаков (в 53 селах) так же, как и оседлые инородцы во всех волостях Минусинского округа. Основным занятием кочевых инородцев было скотоводство, они держали лошадей, крупный рогатый скот, овец. Пашню имели почти все, но очень небольшую (по 2 дес. на 1 хозяйство), сено заготавливали незначительно, однако нуждались в обширных выгонах для скота. Второстепенное значение, а для некоторых хозяйств основное, имели промыслы: охота, рыболовство, извоз, пчеловодство и др. Многие семьи кочевников не имели своего хозяйст-

ва и занимались в пастухи к крестьянам и казакам. Конечно, земельная неустроенность кочевых инородцев создавала почву для конфликтов, но поскольку коренное население пока не очень нуждалось в пашнях и покосах, то и земельных споров было немного. В частности, казаки сагайской волости жаловались, что моторцы рубят в их дачах лес на продажу.

Большинство кочевых хакасов (25 613 чел.) компактно проживало на левом берегу р. Енисея и находилось в ведении двух инородческих ведомств: Абаканском и Аскызском. Однако граница между инородческими ведомствами и крестьянскими волостями проходила не ровно по р. Енисею: то на одном, то на другом берегу земли их соприкасались; там и имели место поземельные конфликты, сопровождавшиеся просьбами к губернскому начальству. Так, Абаканские инородцы спорили из-за грани между их землями с крестьянами деревни Кривенской Шушенской волости. Аскызские инородцы выясняли принадлежность сенокосных участков с казаками деревни Монокской Бейской волости. Этот спор сильно затянулся и достаточно долго привлекал к себе внимание губернского начальства [4. С. 81, 86, 96–98].

По указу от 1 декабря 1775 г. Абаканской управительной конторой казакам были предоставлены пустопорожние государственные земли по р. Моноку (приток р. Абакана) при деревне Бейковой. Между тем, на этих землях обитали кочевые инородцы (бельтиры), постепенно переходящие к оседлому образу жизни. В 1871 г. в этих местах проживало: казаков – 156 чел., крестьян – 43 чел., инородцев оседлых – 13 чел., кочевых – 633 чел. Сразу же возникли споры и жалобы друг на друга. Казаки просили наделить их еще большим количеством земли, крестьяне – наделить их отдельно от казаков, а инородцы указывали на то, что земли эти принадлежат им и казаки стесняют их в землепользовании. На место неоднократно высылались чиновники межевого управления, но дела решить не могли. В 1885 г. была проведена съемка всех земель и представлен проект полюбовного размежевания, который не устроил всех. После многочисленных споров и жалоб межевые чиновники составили комбинацию, при которой казаки и крестьяне из казаков оставались на правом берегу р. Абакана, а крестьяне и инородцы с 1891 г. должны были переселиться на левый берег. 28 июня 1886 г. полюбовный акт был подписан и утвержден генерал-губернатором Восточной Сибири. Однако, по всей вероятности, инородцы, не умеющие читать, знали не все нюансы этого соглашения и с 1891 г. спор разгорелся с новой силой.

Действительно, часть инородцев и крестьяне после размежевания ушли вверх по Моноку, а часть инородцев осталась и продолжила спор с казаками. Предметом споров являлись два участка «Сухой степи»: Сарын-Кол и Соринский.

Р. Абакан в своем течении на левом берегу давала рукав – Байкалиху, образуя длинный остров, этот участок земли и назывался Сарын-Кол. Казаки считали этот рукав р. Абаканом и соответственно этот остров частью своих земель по правому берегу реки. Инородцы, напротив, видели этот участок частью левого берега и считали, что граница идет вдоль острова. Судя по донесению

крестьянского начальника 5-го участка Минусинского округа, дело было так: после размежевания казаки захватили этот участок, но инородцы проигнорировали это обстоятельство и выкосили спорный надел, на что казаки пожаловались земскому заседателю, тот приказал инородцам спорный надел вернуть как лежащий по левую сторону от р. Абакана. Однако казаки в долгу не остались и стали препятствовать инородцам пользоваться этой территорией, в частности запрещали рубить лес, отбирали топоры, сани и пр. Так, к 1897 г. тяжба вновь потребовала внимания губернского управления.

Спорный участок Соринский, по произведенному землемером Поповым расследованию, располагался смежно с участком Сарын-Кол на левом берегу р. Абакана, занимая полосу по обе стороны ключа Соринского, впадающего в Байкалиху, между Байкалихой и дачей Абаканского железодельного завода. В 1879 г. казачьим землемером Громадским этот участок был отведен во владение хорунжего Байкалова как офицерский участок (250 дес.) и зафиксирован в полюбовном акте 1886 г. Инородцы законность этого надела не признавали и требовали вернуть участок в их владение.

Интересы инородцев в этом деле представлял их доверенный – Николай Михайлович Амзараков, инородец Дальне-Каргинского рода. Он был неграмотен, но вероятно обладал определенным авторитетом. Доверие ему Аскызских инородцев было выражено в двухстраничном документе, где в частности указывались его права и обязанности в качестве доверителя: «Вы можете подавать прошение и заявления по начальству, выслушивать решение и повестки делать резонные возражения – одним словом, что по сему делу потребуется. ... Вам верим, спорить и прекословить не будем, в том и подписуемся. Разных родов инородцы» [7. Л. 10]. Затем на листе располагались подписи рядовых граждан управы и 4 подписи родовых старост: Сандыкова, старосты Карачерского рода, Шебуракова, старосты Ивушерского рода, Чудогашева, старосты Кивинского рода, Кургашева, старосты Кийского рода.

Амзараков бомбардировал губернное управление ходатайствами о вводе в беспрепятственное владение инородцев описанных угодий и аргументировал это довольно просто: «...так как ими пользовались с древних лет инородцы – наши предки, казаки же не имеют никаких прав касаться левого берега р. Абакана» [7. Л. 8].

В 1900 г. енисейская казенная палата, отвечая на запрос губернского управления, сообщила, что не смогла обнаружить дело об отводе участка земли хорунжему Байкалову. Однако, несмотря на это, тяжба закончилась неожиданно. Спорные участки были оставлены за казаками на основании полюбовного соглашения 1886 г. 30 января 1901 г. крестьянский на-

чальник 5-го участка Минусинского округа ознакомил Н.М. Амзаракова с окончательным решением по этому делу [7. Л. 1–27].

На этом закончилась поземельная тяжба, но не закончились конфликтные отношения монокских казаков и инородцев, как это видно по другому делу. 9 сентября 1901 г. крестьяне деревни Иудинской Бейской волости обратились в губернное управление с просьбой разрешить им построить оросительную канаву от р. Абакана до их угодий с тем, чтобы превратить их голодную степь в хлебобобовые поля. Между их землями и р. Абаканом располагались пашни и выгоны бельтиров и казаков. Канаву должна была занимать 10 сажень в ширину и проходить 3 версты через скотский выгон Монокского общества и 4 версты через земли инородцев.

Соответственно, для ее устройства, кроме санкции начальства, требовалось разрешение инородцев Аскызской управы и казаков деревни Монокской. Инородцы, у которых этот участок частично был занят под пашни, оказались также заинтересованы в устройстве канавы и уже 27 сентября дали разрешение на ее постройку. Однако монокские казаки упорно отказывались давать такое разрешение. Объясняя свой отказ крестьянскому начальнику 5-го участка Минусинского округа, они высказывали опасения, что в канаве будут тонуть скот и малые дети, что канавы размочит их песчаную почву и что инородцы смогут даже выжить их с этой земли, а крестьяне д. Иудиной к ним с этой просьбой не обращались. Так, в тексте приговора Монокского общества оросительное сооружение для иудинских крестьян неожиданно превратилось в посягательство инородцев на их территорию. Безусловно, на такое антагонистическое отношение повлияла только что закончившаяся поземельная тяжба. Но, судя по всему, это дело кончилось не в пользу казаков, т.к. енисейский губернатор 8 декабря 1901 г. просил крестьянского начальника еще раз разъяснить Монокскому обществу суть дела и, если они опять не дадут согласие, грозил отчуждением необходимых для устройства канавы земель [8. Л. 6–17].

В целом монокский конфликт дает представление о том, насколько запутанным было землеустройство в Сибири в конце XIX в. и как оно отражалось на межэтнических отношениях. В целом в Енисейской губернии поземельные отношения между коренным и пришлым населением во второй половине XIX в. не часто осложнялись конфликтами. Эти конфликты не выходили за рамки судебных тяжб и мелких бытовых столкновений. При этом необходимо отметить, что поземельные споры отражали процессы, характерные для Сибири этого времени: оседание кочевых инородцев и постепенное расширение территории пришлого населения за счет бывших кочевий инородцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1998.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Енисейская губерния. СПб., 1904. Т. 73.
3. Дело об изменениях действующих узаконений об инородцах. 1899 г. // Архивное агентство Красноярского края (ААКК). Ф. 595. Оп. 30. Д. 1204.
4. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск: Типография К.И. Витковской, 1893. Т. 4, вып. 2.
5. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М.: Наука, 1993.
6. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1911. Т. 2.
7. ААКК. Ф. 595. Оп. 30. Д. 247.
8. ААКК. Ф. 595. Оп. 30. Д. 717.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 декабря 2007 г.